Начиная писать незаконченную затем статью «О нынешнем состоянии словесных наук в России», Ломоносов, по своему обыкновению, набросал программу ее в верхней части страницы. Здесь встречаются те же самые термины, с тою только разницей, что «средствия» названы «способами», «природные дарования» — «натурой», «наука» — «правилами», «подражание авторов» — «примерами»; одно лишь «упражнение» сохранилось без изменения.[52] Та же самая последовательность мысли положена в основу статьи Ломоносова, анонимно напечатанной им под названием «О качествах стихотворца рассуждение».[53] В этом произведении проводится идея о том, что подлинному поэту необходимо «иметь дарование», знать «правила», читать «в оригинале авторов», подражать и упражняться, обогащать свои знания разными науками.

Таким образом, перед нами постоянное, строгое следование определенному эстетическому принципу, который, как известно, есть основной принцип классицизма. Можно было подходить к классицизму с позиций философии рационализма, можно было подходить к нему и с позиций сенсуализма, но «принцип авторитета», требование соблюдать «правила», следовать «правилам», упражняться в подражании авторам, и в первую очередь — древним, — это и составляло то общее, что объединяло различные групповые и индивидуальные трактовки классицизма.

Выше было приведено мнение Д. К. Мотольской о том, что вопросы жанров, столь существенные для классицизма, не интересовали Ломоносова, и это рассматривалось исследовательницей как довод в пользу его лейбницианства. Я не считаю «проблему жанров» столь же важной для классицизма, как вопрос о «правилах» (она — частный случай «правил»); однако с мнением Д. К. Мотольской никак согласиться не могу: достаточно вспомнить сказанное Ломоносовым о иерархии жанров в «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке», чтобы убедиться в том, что в этом пункте он не расходился с Сумароковым и классиками сумароковского направления.

В чем же было основное несогласие между Ломоносовым и Сумароковым? Было ли это борьбой двух разных литературных течений, враждебных друг другу, или только борьбой двух направлений в одном общем литературном течении? Так ли уже свободен был сам Сумароков от того, в чем обвинял он своего поэтического противника?

Главное несогласие между Ломоносовым и Сумароковым заключалось, как известно, в трактовке вопроса о «парении», т. е

---

[52] Там же, стр. 581.
[53] «Ежемесячные сочинения», 1755, май, стр. 371—398.